

УНИВЕРСИТЕТ ИЛИ ИНСТИТУТ? Р. Р. ВАХИТОВ ОБ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА В РОССИИ

Вахитов Р. Р. 2014. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут, Москва: Страна Оз, 276 с.

Книга Р. Р. Вахитова *Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут* представляет собой любопытный случай обращения к университетской истории, предпринятого не профессиональным историком, а специалистом в другой научной сфере. В самой книге автор аттестуется как кандидат философских наук, поэтому от его взгляда на избранную проблему мы можем ожидать как минимум необычной методологии, особенных для позиций традиционных исторических сочинений акцентов, а как максимум — широкого, в хорошем смысле философского взгляда на материал.

Действительно, к бесспорным плюсам монографии мы можем отнести логическую последовательность и риторически крепкую выстроенность изложения истории российского университета. В книге четыре главы, в хронологической последовательности развёртывающие перед нами основные этапы эволюции учреждений высшего образования. В первой главе «Зарождение и эволюция университета на западе» автор не ограничивается описанием собственно истории западного университета. Здесь мы найдём и реконструкцию инварианта университета для всех его форм, и экскурс в понятие традиционного общества, при котором возникает университет, и обзор социокультурной и экономической концепции раздачи ресурсов, которая служит основной методологической оптикой автора. Именно эта концепция, заимствованная из трудов С. Г. Кордонского и О. Э. Бессоновой, должна объяснить ту эволюцию, которая произошла в университетской системе за время её существования.

Мысль автора проста, последовательно изложена и убедительно аргументирована: западный университет в своей истории шёл тем же путём, что и вся западная цивилизация — от формы, предполагающей служение церкви и государственным институтам, через этап, в котором университет стал равноправным участником общественных отношений, к частичному возвращению под государственный контроль. При этом российский университет представляет собой особую форму (она описывается во второй главе монографии и именуется «мультиинститут»), которая лишь мимикрирует под западную, но сущностно ей не тождественна. В частности, автор обращает внимание на то, что в россий-

ском университете отсутствует единая корпорация (в средневековом смысле) преподавателей, которые в большой степени напоминают обычных госслужащих, а в студентах система видит не учёных, а всего лишь будущих чиновников, и воспитывает в них соответствующие психологические качества.

Третья и четвёртая главы рассказывают о постсоветском университете, встраивая его историю в набор тех функций, которые на разных этапах были востребованы элитой.

В итоге взгляд на историю университета действительно получается остроумным, а у читателя создаётся важное ощущение приращения смысла. Не случайно в одной редкой по бессмысленности рецензии на монографию всё же отмечено важное качество получившегося труда: «В целом, я узнал для себя много нового при изучении книги Вахитова Р.»¹

В самом деле, несмотря на популярность в научном поле темы истории университетов такой книги давно не хватало. Среди вышедших в последнее десятилетие трудов можно выделить несколько ключевых монографий, написанных с разных методологических позиций. Наиболее близкой к книге Р. Р. Вахитова будет, пожалуй, том «Университет в руинах» Б. Ридингса. Эта книга тоже не историческая, а именно, скажем так, «аналитическая» или, вернее сказать, объяснительная. Она стала событием в отечественной интеллектуальной жизни, выдержки из неё публиковались ещё в 2003 г. (*Отечественные записки*, 2003, № 6), а в 2010 г. можно было прочитать знаковую рецензию А. Очкиной «Совершенство пустоты» (журнал *Пушкин*, № 1). Но всё же книга Ридингса рассказывает о другом, не нашем университете, и, как бы противореча говорящей фамилии автора, «Университет в руинах» написан очень вязко, запутанно и в этом смысле является полной противоположностью монографии Р. Р. Вахитова, которая, напротив, читается очень легко, а проводимая в ней мысль выражена с кристальной ясностью и риторической искусностью. «Вам меня пока не за что еще уважать: вы и не знаете меня совсем» (с. 6), «В 1990-е понятие ‘университет’ в России настолько расширилось, что практически утеряло смысл» (с. 259) — в книге много таких отчасти афористичных, отчасти умело использующих переключение стилистического регистра высказываний, позволяющих удерживать внимание читателя.

При этом если воспринимать книгу как научное исследование, то в нём можно найти несколько довольно серьёзных недостатков, среди которых я особо

¹ Эркин А. Ф. 2014. Должны ли студенты вставать при входе преподавателя в аудиторию?. *ГосРег: Государственное регулирование общественных отношений*. № 3. С. 19.

отметил бы два. Во-первых, та самая исходная концепция раздачи и сдачи, под обаяние которой подпал автор, на проверку оказывается совершенно не обязательным элементом общей конструкции. И это только кажется, что идеи С. Г. Кордонского и О. Э. Бессоновой подсказывают автору какие-то ответы. В действительности зоркий глаз Р. Р. Вахитова отыскивает в истории связи и закономерности, а социально-экономическая модель подключается к этому материалу уже как внешний модуль.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно провести нехитрый мысленный эксперимент и попробовать вписать историю университета «по Вахитову» в произвольную концептуальную рамку. Например, описываемая автором модель отлично вписывается в направляющие линии теории модернизации Рональда Инглхарта: с улучшением экономического благосостояния и переходом от ценностей выживания к ценностям самовыражения усиливается и роль университета, предоставляющего возможности для реализации этих ценностей, соответственно, изменяется и структура его отношений с элитами. При этом само разделение истории на традиционное общество и общество модерна, по границе которых проходит и граница между средневековым и гумбольдтовским университетом, возражений не вызывает. Оно представлено в книге вполне органично, оно объяснимо и объясняюще; например, оно объясняет, почему в Новое время в университете появилась исследовательская деятельность. Но вот раздатки и обмена на этом фоне выглядят посторонними.

Строго говоря, ничего сущностного «раздаточная экономика» в истории университета не поясняет. Если идея автора такова, что западный университет всегда представлял собой корпорацию и имел широкую автономию от государства, в разные эпохи выражавшуюся в разных формах, а в России университет всегда был частью государственного аппарата, то возможно ли выразить это без экономической рамки «раздач»? Возможно.

Ещё один мысленный эксперимент. Всё-таки в предыдущем примере, как и в самой монографии, упоминается переход от традиционного общества к обществу модерна. Попробуем что-то более далёкое, например, теорию игр. История, рассказанная Р. Р. Вахитовым, может быть описана как некооперативная игра, в которой сначала светская власть, церковь и университет, а затем более дробные политические силы и университет борются за ресурсы, и равновесие Нэша объясняет, почему агенты в этой игре меняют стратегию.

При внимательном чтении книги хорошо видна условность и метафоричность всех товарно-обменных отношений между университетом и государством, между профессором и студентом. Например, происходящее описывается одними

терминами обмена или раздачи, но сам обмен или раздача каждый раз представляют собой разные процессы, в некоторых случаях при этом используется некоторый символический эквивалент ресурса, а в некоторых случаях стороны обходятся без такового. История университета остается сама по себе, а раздаточная экономика – сама по себе, все это можно было бы безболезненно удалить из текста. Таким образом, вопрос только в том, большую ли трудность для читателя будет представлять отделение настоящего содержания книги от необязательной методологической обертки, сродни «диамату», который современный читатель мысленно удаляет при чтении гуманитарных книг эпохи застоя.

Во-вторых, в книге обращает на себя внимание мягко говоря неаккуратная работа с источниками. Недоумение вызывает уже простой обзор списка литературы, в нём игнорируется почти все вышедшие в последнее время труды на эту тему. Перечислим хотя бы некоторые книги, пропущенные автором: Вишленкова Е. А. 2003. *Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов*. Казань: Издательство Казанского университета; Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. 2005. *Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани*. Казань: Казанский государственный университет; Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. 2012. *Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность*. Москва: Новое литературное обозрение. Кроме того, нужно вспомнить и многотомный труд Ф. А. Петрова *Формирование системы университетского образования в России первой половины XIX века*. Я уже не говорю про полное отсутствие в этом списке каких бы то ни было иностранных источников об истории университета, хотя без преувеличения пятая часть книги посвящена истории западного университета.

Но дело не только в том, что Р. Р. Вахитов не учитывает основную литературу по теме истории университета. Дело хуже. Он рассказывает эту историю, не ссылаясь на источники, так что в итоге невозможно установить, откуда взялись те или иные излагаемые им сведения, многие из которых, заметим, далеки от того, чтобы считать их общеизвестными.

Так устроена вся книга, можно открыть её на произвольной странице: «Но и произведенные по этой технологии вещи также не являлись в полной мере частной собственностью производителя: цех мог запретить продавать продукцию какого-либо мастера» (с. 17). Хотелось бы узнать источник этих сведений, а также услышать про конкретные случаи таких запретов. «Известны случаи, когда студенты подавали в суд на ректора и выигрывали дело» (с. 31). Что это за случаи? Откуда и кому они известны? «<Университеты> стали угасать и пре-

вратились в объект нападок со стороны идеологов Просвещения» (с. 33). Не трудно было бы привести в пример хотя бы знаменитую сцену из романа Рабле (хотя тот жил ещё до эпохи Просвещения), чтобы это голословное утверждение звучало несколько более весомо. Увы, автор этого не делает. Все члены университетской корпорации — главного героя первой главы — безымянны, равно как безымянны и схематичны князя, император и Папа Римский. В принципе, ясно, что автор стремится нарисовать некоторую идеальную схему (он и сам оговаривает это в нескольких местах в книге), делает это максимально доступно, но все же в избранном Р. Р. Вахитовым модусе повествования схема выглядит совсем бесплотно. Можно вспомнить другие труды по истории культуры, в которых удаётся соблюсти разумный баланс между общей моделью и фактическим материалом. Например, Й. Хейзинга в своей знаменитой работе *Осень Средневековья* тоже сообщает читателю общую схему реконструируемого им средневекового мышления, но и приводит при этом яркие иллюстрации, подтверждающие, что эта схема действительно когда-то была воплощена в реальности.

Никакие цифры в Главе 2 (процент доучившихся, зарплата преподавателей в советском университете и пр.) не подтверждены ссылками. Из-за недостатка ссылок порой создаётся неприятное впечатление, что книга создана не учёным, излагающим результаты своей научной работы, а вещающим постигнутую мистическим путём истину оракулом.

Одновременно с этим ненужным для книги обортоном за недостатком ссылок стоят, увы, и неточности, с которыми мы сталкиваемся уже на 5-й странице. Один из эпиграфов взят из устава российских университетов 1804 года. Такая отсылка к источнику всё же имеет некоторую тонкость, ведь речь идёт не о каком-то едином документе, а о почти дословно совпадающих уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов. Но если пренебречь этим, то всё же сама цитата содержит неточность: в оригинале слово «Государственной» написано с прописной буквы, а в монографии Вахитова — со строчной². Конечно, можно сказать, что при современных изданиях текстов XVIII—XIX веков капитализация многих слов, выражающих ключевые понятия той эпохи, снимается. Но подобных вопросов и вовсе не возникло бы, сошлись Р. Р. Вахитов на конкретный источник этого текста. Так в научном сочинении всё же не принято. И не принято не случайно, за культурой цитирования стоит несколько вполне разумных аргументов, которые здесь, кажется, приводить не вполне уместно.

² В этом легко убедиться, если посмотреть на факсимиле соответствующей страницы устава Московского университета: <http://letopis.msu.ru/sites/default/files/images/ustav1804s.jpg>

Всё это подталкивает к мысли, что книга написана не в жанре научной монографии, а в жанре учебника. Минимум источников (список литературы к книжке напоминает список для чтения по факультативному курсу, а не список цитируемой литературы научной монографии), отсутствие ссылок — всё это мы видим именно в учебных а не в научных изданиях. Жанровое определение вроде «научное издание» или «учебник» при этом в книге отсутствует, и напрасно, так как оно могло бы прояснить ситуацию и не вводить читателя в заблуждение.

Другой жанр открывает перед читателем и иные горизонты книги, которая оборачивается к нему своими лучшими сторонами (лёгкость чтения, структурированность и ясность изложения), которые выдвигаются на первый план, и становятся уже не дополнительными, а первичными достоинствами труда. Вероятно, в учебнике нашлось бы и своё место схеме раздаточной экономики.

Словом, недостатки книги являются, скорее, следствием неверно избранного набора жанровых ожиданий читателя. Хотя в случае переформатирования этой книги для учебных нужд первым делом встанет вопрос о том, для какого предмета она может быть предназначена. На этот вопрос ответа пока нет. Возможно, что такие предметы будут частью университета будущего.

Борис В. Орехов